

**СТАТЬИ М. ГОРЬКОГО О ЛЕНИНЕ:
ПРОБЛЕМЫ АВТОРСТВА И ОЦЕНКИ ЛИЧНОСТИ**

Автор утверждает, что в 1920 г. М. Горький повторил нелицеприятные характеристики, данные В. И. Ленину его давним оппонентом А. А. Богдановым. Но именно такой персонаж нужен был революционному пролетариату в военную эпоху, и, по иронии судьбы, именно Ленину — яростному противнику «позитивной религии» — бывшие богостроители предписывали роль пророка в этой исторической драме.

Ключевые слова: Горький, Богданов, Ленин, богостроительство, позитивная религия, утопия, системно-организационный подход.

I. Lapina

**M. GORKIY'S ARTICLES ABOUT LENIN:
THE ISSUES OF AUTHORSHIP AND PERSONALITY ASSESSMENT**

It is claimed that in 1920, M. Gorkiy repeated the notorious references to Lenin expressed by his old opponent A. Bogdanov. But the revolutionary proletarian needed just this kind of a hero in

the war time. It was the irony of the fate that that it was Lenin, a ferocious opponent of 'positive religion', was ascribed by the former god-builders the role of the prophet in this historic drama.

Keywords: Gorkiy, Bogdanov, Lenin, God-building, positive religion, Utopia, system-organized point of view.

Проблемы истории советского периода сохраняют свою научную и общественную актуальность. Хотя время неспешного анализа и взвешенных оценок еще впереди, но уже сейчас открываются пласты и детали, которые позволяют рассмотреть неясные ранее взаимосвязи, понять реальную значимость событий, масштабы и роль той или иной личности. Малоизвестной страницей советского периода остается история бывших «впередовцев» и «коллективистов» — сторонников концепции социализма А. А. Богданова, центральное место среди которых занимает А. М. Горький. Предлагаемая статья посвящена сюжету, объясняющему происхождение его оценок личности Ленина, мотивы признания советской власти, его отъезд из советской России в октябре 1921 г. и в какой-то мере последующее возвращение.

Одной из главных причин неприятностей А. М. Горького в 1921 г. и его эмиграции послужила статья «Владимир Ильич Ленин», опубликованная в журнале «Коммунистический Интернационал», вышедшем в Петрограде [13]. Эта статья, предварявшая тезисы Исполкома Коминтерна ко II Конгрессу и имевшая программное значение, вызвала резкое недовольство Ленина и последовавшее затем постановление Политбюро, запрещавшее Горькому публиковаться в центральном органе Коминтерна [35, с. 353]. Знаменитый писатель высказывал согласие с установлением большевистской власти и говорил об исторической роли Ленина как политика, имевшего решимость начать пролетарскую революцию в мировом масштабе. Почему же статья так не понравилась ее главному герою?

Внимательный читатель не может не сопоставить ее с известным очерком Горького «В. И. Ленин», написанным после смерти Ленина в 1924 г. и отредактированным в 1930 г., а сопоставив — удивиться, как мало они похожи по стилю [15]. В то же время текст, опубликованный в центральном печатном органе Коминтерна, очень сильно напоминает о том, что и как писал о Ленине его оппонент А. А. Богданов в своем ответе на книгу «Материализм и эмпириокритицизм» в 1910 г. [7] и в более поздних заметках под названием «Н. Ильин» [2].

Исследователи творчества М. Горького не могли не обратить внимания на влияние личности и идей А. А. Богданова на писателя [1; 14; 21; 24; 25; 29; 30; 33]. Попробуем понять, в чем заключались смысл и степень этого влияния в 1920 г. Весной 1920 г. проходила подготовка ко II Конгрессу Коминтерна. Авторитет большевиков как организаторов III Интернационала нужно было поддержать перед зарубежными коммунистическими партиями, которые пытались заранее уточнить общую платформу. Так, например, Независимая рабочая партия Англии спрашивала: как можно представить себе диктатуру пролетариата в таких странах, как Англия? Или: чем отличается, по мнению III Интернационала, коммунизм от остальных форм социализма? [12, ст. 2231].

Одним из немногих теоретиков и аналитиков, близких к большевистской среде, кто мог дать вразумительные ответы на идеологические и тактические вопросы пролетарской революции, был А. А. Богданов [4; 6; 8; 18; 19; 20; 22; 23; 26; 28; 34; 36]. К этому времени он уже определился в своем отношении к советской власти и по-

ставил диагноз происходящему: военный коммунизм. Советская республика — военный лагерь, российский пролетариат, преждевременно в условиях войны начавший мировую революцию, принимает на себя удар объединившегося мирового империализма. Цель пролетариата — не в варварском разрушении, а в созидании новой, социалистической культуры. Богданов и его сторонники составляли внутреннюю конструктивную оппозицию и готовились к созданию международного Пролеткульта [10].

Выступать открыто на страницах партийной печати Богданов не мог, поэтому, вполне вероятно, что его сторонники (среди них — Бухарин, член редакционной коллегии журнала) использовали прием, который применяли неоднократно еще в дореволюционные годы: соавторство, взаимная редакторская правка, публикация под псевдонимами и чужими именами. Для «впередовцев»*, к которым идейно принадлежал и А. М. Горький, коллективное творчество, начиная с газеты «Вперед» и философской публицистики в журнале «Правда» в 1904 г. и заканчивая пропагандой идей «Тектологии» в 1920-е годы, это было нормальным явлением, которое диктовалось не только стремлением обойти рогатки цензуры: сначала — царской, затем — большевистской. Традиция коллективного авторства, сложившаяся в этом кругу, объясняется идейным убеждением участников в том, что результат коллективного творчества больше, чем просто сумма усилий**. К тому же силы участников литературных проектов «коллективистов» были неравными: в качестве идейных руководителей и редакторов, как правило, выступали А. Богданов и В. Базаров, зато язык образов был больше доступен М. Горькому и А. Луначарскому, а такие люди, как, например, И. И. Скворцов-Степанов, знали, как обойти цензурные препятствия.

Следует также сказать, что в журнале «Коммунистический Интернационал» в 1919 г. уже были опубликованы статьи с анализом Богданова, подписанные чужими именами [11; 31]. Поэтому нас интересует сейчас не столько выяснение авторства в буквальном смысле, сколько выявление *источника* тех идей, оценок и установок, которые прозвучали в горьковских статьях. За неимением прямых свидетельств используем текстологический анализ, сравнив полемические произведения А. А. Богданова, где высказывалась критика в адрес Ленина и давалась полная характеристика оппонента, и упомянутые статьи А. М. Горького.

Философский памфлет «Вера и наука» был написан Богдановым в ответ на книгу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», которая, по выражению Богданова, «ставила себе целью борьбу с религиозным мышлением не на живот, а на смерть» [7]. За не слишком удачной (как признано теперь) попыткой философствования Ленина стояло стремление защитить марксистскую ортодоксию от попыток «эмпириомонистов» и «богостроителей» развить учение с точки зрения социальной психологии и построить так называемую «пролетарскую философию», включавшую гносеологию и этику, недостававшую философии Маркса. Богданов отстаивал право на развитие социалистической теории: «...над философией пролетариата работа необходима, — не только потому, что Маркс и Энгельс не успели достаточно полно ее сформулировать, но и потому, что накапливается новый научный материал, который должен быть учтен философией. Может ли остаться без влияния на нее, например, та великая научно-техническая революция, которая идет на наших глазах? И традиция Маркса — Энгельса должна быть дорога нам не как буква, но как дух» [9, с. 65]. Главными обвинениями, выдвинутыми Плехановым и Лениным против Богданова и его сторон-

ников, были обвинения в «фидеизме», философском идеализме и «богостроительстве»: «...слово "поповщина" играет главную роль в характеристике *всех* воззрений, которые ему, Ильину, кажутся неправильными» [7, с. 151].

В своем ответе Богданов разбил Ленина его же оружием, проиллюстрировав разницу между религиозным и научным мышлением именно на примере мировоззрения автора «Материализма и эмпириокритицизма». Он убедительно доказал, что стремление Ленина утвердить известные теории Маркса в качестве абсолютной истины сродни *религиозной вере*, его подходы заимствованы из *идеалистической философии*, а тип мышления, свойственный Ленину, — это *авторитарный тип*, соответствующий религиозному сознанию. «Вечность истины — дело *веры*, а не научного знания», — заявлял автор.

Объясняя происхождение религии и социальную сущность религиозного мышления, основатель эмпириомонизма писал: «Религиозное мышление неразрывно связано с *авторитарными* трудовыми отношениями (руководство — исполнение — власть — подчинение), из них возникло и их отражает. Для него характерно создание *властных фетишей* и требование от людей покорности, *повиновения* им. Это — идеализированные образы, порождаемые фантазией на основе реального господства "авторитетов" над людьми в их социальной жизни. Словом, *религиозное мышление есть авторитарное*, и только. С этой точки зрения понятна и роль в нем "абсолютных" ценностей... Тенденция к "абсолютному" присуща всякому авторитету; ибо подчинение ему прочно и надежно только тогда, когда веления, указания, утверждения, от него исходящие, принимаются как нечто безусловное, непреложное, не подлежащее критике, окончательное; и конечно, авторитеты идеальные, создаваемые религиозной мыслью и настроением,

должны представить из себя завершение этой тенденции к абсолютному, а "вера" есть отношение человека к признаваемому им авторитету: не простое доверие к нему или согласие к ним, но — основанное на *подчинении*, на устранении собственной мысли и критики, на отказе от исследования, на подавлении всяких возможных сомнений, на акте воли, направленном к познавательной пассивности...» [7, с. 146].

Стадия религиозного мышления в развитии человечества соответствует, как утверждал Богданов, определенному типу (уровню) производственных взаимоотношений, или типу трудовых связей. Пока не будет полностью преодолен авторитарный тип трудовой связи, религиозное мышление неизбежно. «Марксизм показал, что всякая система идей есть органический результат, производное определенных общественно-трудовых отношений, вне которых ее жизненный смысл неминуемо теряется, и затем извращается. В *смене общественно-трудовых форм* — разгадка судьбы идеологий» [7, с. 222]. Религия как форма идеологии, как временная «истина» на определенном этапе человеческой истории выполняет организующую функцию, отражая реальные взаимосвязи и организуя формы социального бытия. Но новейший опыт борьбы и коллективного труда неизбежно аккумулируется в новой идеологии, транслируется ею и может стимулировать развитие нового, «коллективистического» типа связи [7, с. 180]. Новое идеологическое содержание может первоначально выступать в старых религиозных формах, но может быть и наоборот: религиозное по сути сознание маскируется научной формой.

Богданову пришлось признать «неудобной» религиозную терминологию Луначарского, часто называвшего социализм высшей религией. Однако он пояснял, что речь шла об «энтузиастическом мироощущении», о так называемой «религии будуще-

го», божество в котором — лишь образ безграничной власти социалистического человечества над природой. Полемика же Ленина, как писал Богданов, направлена лишь на то, чтобы «скрыть от читателя истинный смысл воззрений противника, внушить читателю идею, что Луначарский говорит о религии в обычном, традиционном значении слова... И уж конечно, о "фидеизме" следовало бы говорить кому-нибудь другому, а не Вл. Ильину, требующему *веры* в абсолютные и вечные истины, — веры уже в самом настоящем, — познавательном значении слова» [7, с. 194].

В 1913 г. была написана еще одна книга — «Десятилетие отлучения от марксизма». В ней «еретик» Богданов давал характеристику своим единомышленникам и «отлучателям». Она была впервые опубликована только в 1994 г. [2; 5]. Статья, посвященная Ленину, называлась «Н. Ильин». Личностные характеристики выдвигаются здесь на первый план и звучат еще более резко и категорично, чем в философской работе «Вера и наука». В теории — «сам Ильин считает себя последовательным и выдержанным архиортодоксальным марксистом... Пока ему приходится исследовать конкретные частные явления, например, классовый состав и характер какой-нибудь партии, он справляется с задачей, и иногда блестящим образом. Но когда вопрос ставится в общетеоретическом масштабе, например, происхождение религии, происхождение социализма, — результаты совсем иные... По своим знаниям Ильин почти всецело специалист: они сосредоточены в сфере политической экономии капитализма и его политики... Такой кругозор узок и недостаточен не только для решения широких задач теории, но и для решения тех практических вопросов, которые особенно трудны по своей новизне и по сложности условий. В обоих случаях В. Ильин оказывается не самостоятельным, исследующим мыслителем, а *человеком*

грубых шаблонов... если бы он был аптекарем, то перетравил бы массу народу: самого поверхностного сходства ему было бы достаточно, чтобы считать за одно разные медикаменты: сладкий белый сахар и сладкий белый мышьяк, — стоит ли обращать внимание на какую-то разницу в составе?» [2, с. 12].

Стараясь быть объективным, Богданов говорит о «той значительной энергии», которой его оппонент одарен от природы, но также — и о его «наивной грубой прямолинейности» [2, с. 13]. Он приоткрывает завесу над историей внутривнутрипартийной борьбы, в которой ярко проявились отрицательные черты Ленина: «Поражает его бешеная ненависть к свидетелям и способы борьбы против них. Мы видели, с какой ненавистью преследовал он покойную литературную группу "Вперед" а заодно и живое впередовство, *идейные позиции которых одну за другой, он сам был вынужден занимать*, когда его шаблоны развалились. Мы видели также, с каким достойным лучшим применением усердием он старался устранить от участия в рабочей партии меня и других литераторов, знающих и способных рассказать историю его деятельности там» [2, с. 17].

Но кроме беспринципности в выборе средств, пишет Богданов, главной чертой расхождения Ленина с социалистической культурой является его *авторитаризм*. «Я говорю не просто о грубой властности характера — недостатке, который может быть уравновешен и исправлен влиянием товарищеской среды. Я имею в виду сам *способ мышления*. Философская книга Ильина прямо поражает всюду проникающим ее духом слепой, наивной *веры в авторитеты*. Для него любой вопрос окончательно и бесповоротно решается подходящей цитатой из Маркса или Энгельса... Не верит, да и только, чтобы можно было думать не по откровению свыше... *Нет веры в пророка — нет веры*

в идею... Этим, — заключает Богданов, — предопределяется конечная судьба Ильина как идейного и политического деятеля» [2, с. 18].

Известно, что в начале конфликта между Лениным и Богдановым в их борьбе за право использования «школьных» средств партии Горький поддерживал последнего, считал книгу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» беспомощной в философском плане и грубой выходкой. К Богданову Горький испытывал восторженное отношение. «Мироощущение, коим Вы насыщены, на мой взгляд, самое мощное и самое удачное усилие понять и победить противоречие между человеком и космосом — выше, красивее и победоноснее этого еще не было на земле. — писал он Богданову. — Вам суждено историей положить первые камни фундамента философии будущего, той философии, коя не только миропонимание, но именно — ощущение связи с миром, той философии, которая должна возратить человека на его место — в центр процесса жизни, должна гармонизировать его, изменить его физически» [1, с. 40–41]. В письме к А. В. Амфиатову, написанном в 1908 г., он отзывался о Богданове как о человеке выдающемся: «этого человека... в будущем поставят на высоту огромную» [14, с. 138]. Богданов, а не Ленин определил его отношение к большевизму: «Большевизм мне дорог, поскольку его делают монасты. Как социализм дорог и важен именно потому, что он единственный путь, коим человек всего скорее придет к наиболее полному и глубокому сознанию своего личного человеческого достоинства. ... Требуется, чтобы человек однажды сказал себе: аз есмь создатель мира» [14, с. 138]. Однако Горькому глубоко претили методы партийной борьбы, и он уговаривал Богданова встать над партийными страстями и посвятить себя настоящему делу: «Глубочайшее мое убеждение: Ильин — политиканствует. Богда-

нов должен предоставить ему полную свободу в этом, если Богданов понимает всю важность своего значения как крупнейшего организатора идейного в наши дни» [1, с. 48]. Были и личные обиды, в результате которых он прекратил на время общение с бывшими товарищами, постаравшись оградить себя от интриг. Прошло несколько лет, революция выдвинула Ленина на политическую авансцену, а Богданов остался в тени. Автор «Несвоевременных мыслей» расценивал происходящее так же, как и Богданов, — как «революцию казармы», отбросившую в действительности пролетариат назад от осуществления его культурно-революционных целей. Изменилось ли при этом их отношение к Ленину?

Статья «Владимир Ильич Ленин», опубликованная в журнале «Коммунистический Интернационал» в конце 1920 г., начинается словами: «В. И. Ленин — на мой взгляд — источник энергии, без влияния которой русская революция не могла бы принять форму, принятую ею. Его воля неутомимый таран, удары которого мощно сотрясают монументально построенные капиталистические государства Запада и тысячами слежавшиеся глыбы отвратительных, рабских деспотий Востока» [16, ст. 1229]. Никакого тепла в отношении героя в этой статье не чувствуется, но автор явно встает на его защиту от внешней критики. Это подтверждается опубликованным в том же номере журнала письмом Горького к Г. Уэллсу, датированным 22 мая 1920 г., также содержащим отзыв о Ленине: «Это очень крупный человек и честный человек. Он играет в России роль грандиозного плуга, который неустанно пашет землю засоренную, неплодородную», — пишет Горький [17, ст. 2208]. Само сравнение Ленина с орудиями труда как в письме к Уэллсу, так и в статье (плуг, топор, таран), свидетельствует об инструментально-функциональном подходе. О Ленине говорится как об *орудии* социального экспери-

мента планетарного масштаба, первым «опытным полем» для которого стала Россия. Этот *опыт* показал, что кроме «большевиков» в России нет сил, способных возбудить энергию, необходимую для измученной страны, для продуктивного труда. Ленин — тот человек, который стремится «превратить потенциальную энергию русской трудовой массы в энергию кинетическую, актуальную» [16, ст. 1928].

Эта первая статья о Ленине проникнута строгим объективизмом. Иногда в ней звучит сочувствие, иногда — едкая ирония, какую можно применять только по отношению к давнему политическому оппоненту. Она полна намеков, которые, вероятно, были хорошо понятны посвященным читателям. Придерживаясь объективистского подхода, автор говорит о том, что нельзя возлагать на Ленина ответственность за кровавую войну, затеянную империализмом (империалистическая угроза как *внешняя* угроза по отношению к *новой системе* представлена образами лицемерного Ллойда Джорджа, циника Клемансо и наивного демократа Вильсона). Принцип объективизма подчеркивается автором неоднократно: «Мои личные симпатии к нему не играют никакой роли в момент, когда я пишу о нем. Я рассматриваю его как существо, подлежащее моему наблюдению». Что же дает это наблюдение? «Он говорит удивительно простыми словами, железным языком, с логикой топора... Он говорит всегда одно: о необходимости уничтожить социальное неравенство людей и о путях к этому. Эта древняя правда звучит в его устах резко, непримиримо: всегда чувствуешь, что он непоколебимо *верит* в нее, и чувствуешь, как спокойна его *вера* — вера фанатика, но фанатика-ученого, а не метафизика, не мистика. Кажется, что ему почти неинтересно индивидуально-человеческое, он думает только о партиях, о массах, государствах, и здесь он обладает даром

предвидения, гениальной интуицией мыслителя-экспериментатора» [16, ст. 1930]. Конечно, только пророческое слово могло зажечь энтузиазм в массах. И теперь история и случай выдвинули на роль пророка Ленина, который когда-то так яростно критиковал «богостроителей», не разделяя их отношения к «позитивной религии». И конечно же, поясняет Горький, его нужно воспринимать не как пророка в традиционном понимании, но как гения, способного к предвидению. Таким образом, мы присутствуем при незавершенном споре, в котором побежденная когда-то сторона пытается взять реванш.

Далее автор представляет Ленина как *идеалиста* и излагает от его имени утопию, представление, которое *приписывается* Ленину, о Новом Мире, будущем коммунистическом обществе. Социальный идеализм как бы *предписывается* Ленину: «Я не могу представить его себе без этой прекрасной мечты о будущем счастье всех людей... Чем крупнее человек — тем более дерзка его мечта» [16, ст. 1932]. Это — очень емкий по содержанию фрагмент. «И предо мною разворачивается грандиозная картина земли, изящно ограненной трудом свободного человечества в гигантский изумруд, — пишет автор. — Все люди разумны, и каждому свойственно чувство личной ответственности за все, творящееся им и вокруг него. Повсюду — города-сады — вместилища величественных знаний, везде работают на человека покоренные и организованные его разумом силы природы, а сам он — наконец! — действительный властелин стихий. Его физическая энергия не тратится больше на грубый труд, она переродилась в духовную, и вся ее мощь ее направлена к исследованию тех основных вопросов бытия, над решением которых издревле безуспешно бьется мысль, расшатанная, раздробленная необходимыми усилиями объяснения и оправдания явлений социальной борьбы, измученная неизбеж-

ной в мире этих явлений драмой признания двух непримиримых начал» [16, ст. 1931–1932; 8]. Здесь заключено не только представление о коммунистическом обществе, но и изменение точки зрения на те проблемы, которые, по сути, всегда пыталась решить религия: проблемы тяжелого труда как наказания за первородный грех и страха смерти. Люди в этой утопии освобождены от обязанности трудиться в поте лица. «Облагороженный технически, осмысленный социально, труд стал *наслаждением* человека. Действительно, освобожден, наконец, разум человекам — самое драгоценное начало в мире — и, действительно, разум стал бесстрашен» [16, ст. 1932; 8]. Божество здесь — свободное и разумное *сверх-человечество*. Здесь есть своя телеология, эсхатология и иконография. «Основная цель Ленина — общечеловеческое благо, и он неизбежно должен прозревать в отдалении веков *конец* того великого процесса, началу коего аскетически и мужественно служит его воля. Он — *идеалист*, если вложить в это понятие соединение всех сил природы в одной идее — в идее всеобщего блага. Его личная жизнь такова, что *в эпоху преобладания религиозных настроений Ленина могли бы счесть святым*. Я знаю: мещан это взбесит, многие товарищи усмехнутся, и весело захохочет сам Ленин» [16, ст. 1932–1933]***.

Наконец, здесь присутствует и третий элемент характеристики Ленина, данной ему когда-то Богдановым: *авторитаризм*. Характеристика дается от третьего лица: «Святой — это, действительно, парадоксальное и смешное слово в приложении к человеку, для которого "нет решительно ничего святого", как сказал о нем древний "богочеловек", бывший революционер Н. Чайковский». Дальше, в еще более жесткой форме, она повторяется от имени У. Черчилля, считавшего Ленина «самым свирепым и отвратительным человеком».

«Но почтенный лорд не станет отрицать, — продолжает автор, намекая на партийные баталии, — что церковная святость редко исключала свирепость и жестокость, чему примером могут служить кровавые драки отцов церкви на вселенских соборах, инквизиция и множество прочих мерзостей» [16, ст. 1933].

Все эти определения смягчаются лирическими вставками, но и они звучат как *предписание*: «Иногда в этом резком политике сверкает огонек почти женской нежности к человеку, и я уверен, что террор стоит ему невыносимых, хотя искусно скрытых страданий. Невероятно и недопустимо, чтоб люди, осужденные историей на непримиримое противоречие — убивать одних для свободы других, — не чувствовали мук, изнуряющих душу» [16, ст. 1934].

Вывод, на наш взгляд, заключается в следующих фразах: «Суровый реалист, хитроумный политик — Ленин постепенно становится легендарной личностью. Это — хорошо. Хорошо, потому что большинству людей *необходимо верить для того, чтобы начать действовать*» [16, ст. 1933]****. И заканчивается текст аллилуйей «священному безумству храбрых, первый среди которых — Ленин».

«Я знаю, что даже то небольшое, сказанное здесь, покажется ему излишним, преувеличенным и смешным, — заключает автор. — Ну, что ж, пускай он хохочет, он это хорошо делает, но я надеюсь, что многие прочтут эти строки не без пользы для себя» [16, ст. 1935]. Ирония судьбы заключалась в том, что история выбрала на роль пророка новой религии самого яростного ее противника. Но за религиозной терминологией Горького стоял более чем реалистический — организационно-тектологический подход. Это подтверждается, например, тем, что летом 1920 г. Горький активно включился в пропаганду научной организации труда [26; 37]. Чтобы

новая социальная система достигла устойчивости, необходимо было организовать ее сопротивление неблагоприятному внешнему воздействию, а следовательно, в максимальной мере использовать саморегулирующие процессы, позволяющие повысить *активность* сопротивления элементов по отношению к внешней среде [18]. Внутренним источником *энергии* могла быть вера. Например, вера в светлое будущее.

В очерке 1924 года Горький повторил те же характеристики Ленина как *искренне верующего* в возможность социальной справедливости *идеалиста* и *аутократора*. Тирания оправдывалась колоссальным сопротивлением революции изнутри и извне. Подчеркивалось, что авторитаризм как качество личности Ленина был востребован практической политикой: «Он — политик. Он в совершенстве обладал тою искусственно, но четко выработанной прямолинейностью взгляда, которая необходима *рулевому* столь огромного, тяжелого корабля, каким является свинцовая крестьянская Россия» [15]. В этом очерке, написанном после смерти Ленина, с еще большей настойчивостью проявляется стремление к канонизации образа праведника новой религии — *сверхчеловека*, являвшего собой «совершенное воплощение воли, устремленной к цели», «аскетическое подвижничество», «воинствующий оптимизм», «волю к жизни» и «нечеловеческую работоспособность», «бодрость духа», «непоколебимую веру в свою связь с миром» и «свое призвание быть организатором хаоса» — качества, способные «быстро двинуть страну *вперед*» [15, с. 1]. Так бывшие «богостроители» начали создание «ленинианы».

Таким образом, сравнительный анализ рассмотренных текстов доказывает, что в 1920-е годы Горький продолжал оставаться последовательным сторонником богдановской концепции социализма и той тактики

«культурной революции», которая не исключала использование на ранних ее этапах формы «позитивной религии».

Оценки, данные Ленину А. Богдановым, специфическая терминология, логика и способы аргументации, которые применяются в первой из статей, подписанной именем Горького, явно заимствованы из арсенала Богданова. Содержание статьи «Владимир Ильич Ленин», помещенной в журнале Коминтерна, свидетельствует об идейном влиянии одного из главных внутрипартийных оппонентов Ленина в партийных кругах. Авторитет Богданова всегда был чрезвычайно высок, он усиливался в связи с его безошибочными аналитическими прогнозами и мог еще больше возрасти в связи с планами организации международного Пролеткульта. Ответом противников была очередная кампания травли против А. Богданова, развернувшаяся в партийной печати осенью 1920 г., и его вынужденный отказ от руководства Пролеткультом.

Гонения, правда, в «мягкой» форме, коснулись и Горького. Не до конца веря в это, видимо, все еще по инерции, осенью 1920 г. он пишет Ленину письмо с жалобой на ограничение финансирования «Всемирной литературы» [3]. Но кампанию против Пролеткульта, свертывание деятельности издательства «Всемирная литература», реорганизацию Наркомпроса с целью установления более жесткого партийного контроля над внешкольными социально-педагогическими учреждениями в начале 1921 г. и отъезд Горького из России — все это можно рассматривать как звенья одной цепи.

К 1920 г. Пролеткульт стал идеологическим конкурентом ЦК РКП(б), поэтому его нужно было обезглавить: сохранив внешние формы, сменить руководство. Над Наркомпросом, в аппарате которого трудились известные сторонники Богданова — бывшие «впередовцы» и «коллек-

тивисты», — также устанавливался политический контроль. М. Горькому, обладавшему мировым именем, оставалась в удел почетная эмиграция. Осуществление контактов с единомышленниками, находившимися в России, и совместное литературное творчество с этого времени стало труднее. Но вера писателя в социализм как в новую культуру и представление о способах борьбы за нее не изменились.

Содержание и формы публикаций статей о Ленине отчетливо демонстрируют, что в 1920-е годы «впередовцы» и «коллективисты» не отказались от борьбы: осуществляя оппозицию в идеологической сфере, они продолжали реализацию своей социально-педагогической концепции. Впрочем, провести разграничение между сферой политики и сферой идеологии становилось все труднее.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Группа «Вперед» — группа левых большевиков внутри РСДРП. Образовалась в декабре 1909 г. Члены группы «Вперед» выпустили в 1909 г. в Париже свою платформу «Современное положение и задачи партии», написанную Богдановым. Основным направлением группы было издательское дело и организация «высших социал-демократических школ для рабочих». Первая — действовала на Капри при участии Горького, вторая — в Болонье. «Впередовцы» были сторонниками программы «пролетарской культуры» как способа подготовки к социалистическому будущему.

** «Понятие "организация", — писал А. Богданов, — отличается от понятия "соединение" не только тем, что включает мысль о сопротивлении организованного комплекса всякому разъединению, которое в нем вызывают какие-либо внешние воздействия, — но также идею исторического развития данной связи, создающейся, разрушающейся и преобразующейся в борьбе ее форм» [7, с. 181].

*** В письме к Уэллсу Горький еще раз использует метод аналогии, объясняя политический фанатизм Ленина: «По натуре он — пуританин» [17, ст. 2208].

**** Чтобы приблизить к будущим адептам образ пророка и святого, автор добавляет ему «человеческих» черт. Известное высказывание о Ленине «ничто человеческое ему не чуждо» звучало в первой редакции так: «Кажется, необходимо упомянуть, что Ленину не чужды увлечения дружбы и вообще не чуждо ничто человеческое». Эта необходимость, как следует из контекста, заключается в том, чтобы каждый индус и китаец, и каждый итальянский рыбак мог сказать об этом богочеловеке: «Самый честный парень» [16, ст. 1935].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Странно видеть себя причиной драки...». Из переписки М. Горького с А. Богдановым 1903–1909 гг. / Предисловие И. А. Ревякиной. Подготовка текста и примечаний Ю. Шеррер, И. А. Ревякиной, Н. С. Антоновой и Н. В. Дроздовой // М. Горький. Неизданная переписка. М.: ИМЛИ РАН, 2000. Вып. 5. С. 13–94.
2. А. А. Богданов о Г. В. Плеханове и В. И. Ленине / Подг. публ. Н. С. Антонова // Исторический архив. 1994. № 4. С. 4–21.
3. Архив Горького. ПГ-рл-23-55-45.
4. Анисимов О. С. Организационные онтологии и анализ систем деятельности. (А. А. Богданов и современная методология). М., 2002.
5. Богданов А. А. Десятилетие отлучения от марксизма: Юбилейный сборник (1904–1914) // Неизвестный Богданов: В 3 кн. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995.
6. Богданов А. А. Тектология как организационная наука: В 2 кн. М.: Экономика, 1989.
7. Богданов А. Падение великого фетишизма: Современный кризис идеологии. Вера и наука. (О книге Вл. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). М., 1910.
8. Богданов А. Праздник бессмертия // Летучие альманахи. Вып. XIV. СПб., 1914.
9. Богданов А. Приключения одной философской школы. СПб.: Знание, 1908.

-
10. *Биггарт Дж.* Богданов и «Культинтерн» // Вестник Международного института А. Богданова. 2001. № 7: <http://www.bogdinst.vestnik/v7.htm>
 11. *Бухарин Н. И.* Диктатура пролетариата в России и мировая революция // Коммунистический Интернационал. 1919. № 4. С. 487–494; № 5. С. 629–633.
 12. Гласный ответ исполкома Коминтерна на вопросы Независимой рабочей партии Англии // Коммунистический Интернационал. 1920. № 12. Ст. 2230–2233.
 13. *Гловели Г. Д.* Тектолог // Вестник Международного института А. Богданова. 2000. № 1 <http://www.bogdinst.vestnik/v1.htm>
 14. Горький и русская журналистика начала XX века // Литературное наследство. Т. 95. М.: ИМЛИ РАН, 1988.
 15. Горький о Ленине // Известия ВЦИК. 1924. № 84. 11 апреля.
 16. *Горький М.* Владимир Ильич Ленин // Коммунистический Интернационал. 1920. № 12. Ст. 1927–1936.
 17. *Горький М.* Письмо к Уэллсу // Коммунистический Интернационал. 1920. № 12. Ст. 2208–2209.
 18. *Дорофеев А. Ю.* Организационный взгляд на проектирование систем управления // Вестник Международного института А. Богданова. № 15: <http://www.bogdinst.vestnik/v15.htm>
 19. *Жукоцкий В. Д., Жукоцкая З. Р.* Русская Реформация XX века: статьи по культурософии советизма. М.: Новый хронограф, 2008. См. также: Déjà vu. Энциклопедия культуры: <http://www.ec-dejavu.net.m-2/Marxism-2.html>
 20. *Клебанер В. С.* Александр Богданов и его наследие // Вопросы философии. 2008. № 1. С. 105–110.
 21. *Латина И. А.* А. Богданов. Концепция формирования нового человека, или О чем молчит история советской педагогики // Педагогика. 1993. № 1. С. 93–97.
 22. *Латина И. А.* Генезис и начало реализации социально-педагогических установок большевизма: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993.
 23. *Маевский В. И.* Тектология Богданова и теория экономической эволюции // Вестник Международного института А. Богданова. № 3: <http://www.bogdinst.vestnik/v3.htm>
 24. М. Горький. Материалы и исследования. Концепция мира и человека в творчестве Горького. Вып. 9. М.: ИМЛИ РАН, 2009.
 25. *Никитин Е. Н.* Максим Горький и российские социалисты // Вопросы истории. 2008. № 8. С. 24–32.
 26. Первая Всероссийская конференция по научной организации труда / Ред. А. Богданов. М.: НКПС, 1921.
 27. *Плютто П.* Богданов А. А. // Русская философия: Малый энциклопедический словарь. М.: Наука, 1995. С. 65–67.
 28. *Пушкин В. Г., Урсул А. Д.* Системное мышление и управление. (Тектология А. Богданова и кибернетика Н. Винера). М.: Российская академия управления, 1994.
 29. *Ревякина И. А.* «В партии я не встречал равных им»: неопубликованное письмо А. Богданова М. Горькому // Scando-Slavica. 1993. N. 39. Oslo. P. 103–106.
 30. *Ревякина И. А.* Непрочитанные страницы биографий А. М. Горького и А. А. Богданова: история отношений // Горьковские чтения, 1995: Материалы международной конференции. Н. Новгород, 1996. С. 67–72
 31. *Роланд Хольст Генриетта.* Большевики и их деятельность // Коммунистический Интернационал. 1919. № 5. С. 629–638.
 32. *Садовский В. Н.* Как следует читать и оценивать «Эмпириомонизм» А. А. Богданова // Вестник Международного института А. Богданова. № 15: <http://www.bogdinst.vestnik/v15.htm>
 33. *Семенова А. Л.* Влияние эмпириомонистических идей А. Богданова на А. М. Горького // Вестник Международного института им. А. Богданова. № 3: <http://www.bogdinst.vestnik/v3.htm>
 34. *Синицын Е. В.* Тектология А. А. Богданова и современные методы анализа сложных систем // Вестник Международного института А. Богданова. 2000. № 1: <http://www.bogdinst.vestnik/v1.htm>
 35. *Смирнова С. Н.* М. Горький в журнале «Коммунистический Интернационал» // М. Горький. Материалы и исследования. Вып. 8: Публицистика М. Горького в контексте истории. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 352–399.

-
36. *Тахтаджян А. Л.* Principia tectologica. Принципы организации и трансформации сложных систем: эволюционный подход. СПб., 1998.
37. Цикл статей М. Горького «Беседы о труде». Вступительная статья, подготовка текста и примечания Т. Р. Гавриш // М. Горький. Материалы и исследования. Вып. 8. С. 400–420
38. *Ягодинский В. Н.* Александр Александрович Богданов. М.: Наука, 2006.

REFERENCES

1. «Stranno videt' sebja prichinoj draki...». Iz perepiski M. Gor'kogo s A. Bogdanovym 1903–1909 gg. / Predislovie I. A. Revjakinoj. Podgotovka teksta i primechanij Ju. Sherrer, I. A. Revjakinoj, N. S. Antonovoj i N. V. Drozdovoj // M. Gor'kij. Neizdannaja perepiska/IMLI RAN. Vyp. 5. M., 2000. S. 13–94.
2. A. A. Bogdanov o G. V. Plehanove i V. I. Lenine/Podg. publ. N. S. Antonova // Istoricheskij Arhiv. 1994. № 4. S. 4–21.
3. Arhiv Gor'kogo. PG-rl-23-55-45.
4. *Anisimov O. S.* Organizacionnye ontologii i analiz sistem dejatel'nosti (A. A. Bogdanov i sovremennaja metodologija). M., 2002.
5. *Bogdanov A. A.* Desjatiletie otlučenija ot marksizma. Jubilejnyj sbornik (1904–1914) // Neizvestnyj Bogdanov: V 3 kn. M.: IC «AIRO-XX», 1995.
6. *Bogdanov A. A.* Tektologija kak organizacionnaja nauka: V 2 kn. M.: Ekonomika, 1989.
7. *Bogdanov A.* Padenie velikogo fetishizma: Sovremennyj krizis ideologii. Vera i nauka. (O knige Vl. Il'ina «Materializm i jempiriokriticizm»). M., 1910.
8. *Bogdanov A.* Prazdnik bessmertija // Letuchie al'manahi. Vyp. XIV. SPb., 1914.
9. *Bogdanov A.* Priključenija odnoj filosofskoj shkoly. SPb.: Znanie, 1908.
10. *Biggart Dzh.* Bogdanov i «Kul'tintern» // Vestnik Mezhdunarodnogo instituta A. Bogdanova. 2001. № 7: <http://www.bogdinst.vestnik/v7.htm>
11. *Buharin N. I.* Diktatura proletariata v Rossii i mirovaja revoljucija // Kommunisticheskij Internacional. 1919. № 4. S. 487–494; № 5. S. 629–633.
12. Glasnyj otvet ispolkoma Kominterna na voprosy Nezavisimoj rabochej partii Anglii // Kommunisticheskij Internacional. 1920. № 12. St. 2230–2233.
13. *Gloveli G. D.* Tektolog // Vestnik Mezhdunarodnogo instituta A. Bogdanova. 2000. № 1: <http://www.bogdinst.vestnik/v1.htm>
14. Gor'kij i russkaja zhurnalistika nachala XX veka // Literaturnoe nasledstvo. T. 95.. M.: IMLI RAN, 1988.
15. Gor'kij o Lenine // Izvestija VCIK. 1924. № 84. 11 aprelja.
16. *Gor'kij M.* Vladimir Il'ich Lenin // Kommunisticheskij Internacional. 1920. № 12. St. 1927–1936.
17. *Gor'kij M.* Pis'mo k Ujellisu // Kommunisticheskij Internacional. 1920. № 12. St. 2208–2209.
18. *Dorofeev A. Ju.* Organizacionnyj vzgljad na proektirovanie sistem upravlenija // Vestnik Mezhdunarodnogo instituta A. Bogdanova. № 15: <http://www.bogdinst.vestnik/v15.htm>
19. *Zhukockij V. D., Zhukockaja Z. R.* Russkaja Reformacija XX veka: stat'i po kul'turosofii sovetizma. M.: Novyj hronograf, 2008. Sm. takzhe: Déjà vu. Enciklopedija kul'tur: <http://www.ec-dejavu.net.m-2/Marxism-2.html>
20. *Klebaner V. S.* Aleksandr Bogdanov i ego nasledie // Voprosy filosofii. 2008. № 1. S. 105–110.
21. *Lapina I. A.* A. Bogdanov. Konceptija formirovanija novogo cheloveka, ili O chem molchit istorija sovetsoj pedagogiki // Pedagogika. 1993. № 1. S. 93–97.
22. *Lapina I. A.* Genezis i nachalo realizacii social'no-pedagogicheskikh ustanovok bol'shevizma: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 1993.
23. *Maevskij V. I.* Tektologija Bogdanova i teorija jekonomicheskoy jevoljucii // Vestnik Mezhdunarodnogo instituta A. Bogdanova. № 3: <http://www.bogdinst.vestnik/v3.htm>
24. M. Gor'kij. Materialy i issledovanija. Konceptija mira i cheloveka v tvorcestve Gor'kogo. Vyp. 9. M.: IMLI RAN, 2009.
25. *Nikitin E. N.* Maksim Gor'kij i rossijskie socialisty // Voprosy istorii. 2008. № 8. S. 24–32.
26. Pervaja Vserossijskaja konferencija po nauchnoj organizacii truda / Red. A. Bogdanov M.: NKPS, 1921.

-
27. *Pljutto P. Bogdanov A. A.* // Russkaja filosofija. Malyj jenciklopedicheskiy slovar'. M.: Nauka, 1995. S. 65–67.
28. *Pushkin V. G., Ursul A. D.* Sistemnoe myshlenie i upravlenie. (Tektologija A. Bogdanova i kibernetika N. Vinera). M.: Rossijskaja akademija upravlenija, 1994.
29. *Revjakina I. A.* «V partii ja ne vstrechal ravnyh im»: Neopublikovannoe pis'mo A. Bogdanova M. Gor'komu // Scando-Slavica. 1993. N. 39. Oslo. P. 103–106.
30. *Revjakina I. A.* Neprochitannye stranicy biografij A. M. Gor'kogo i A. A. Bogdanova: istorija otnoshenij // Gor'kovskie chtenija, 1995: Materialy mezhdunarodnoj konferencii. N. Novgorod, 1996. S. 67–72.
31. *Roland Hol'st Genrietta.* Bol'sheviki i ih dejatel'nost' // Kommunisticheskij Internacional. 1919. № 5. S. 629–638
32. *Sadovskij V. N.* Kak sleduet chitat' i ocenivat' «Jempiriomonizm» A. A. Bogdanova // Vestnik Mezhdunarodnogo instituta A. Bogdanova. № 15: <http://www.bogdinst.vestnik/v15.htm>
33. *Semenova A. L.* Vlijanie empiriomonisticheskikh idej A. Bogdanova na A. M. Gor'kogo // Vestnik Mezhdunarodnogo instituta im. A. Bogdanova. № 3: <http://www.bogdinst.vestnik/v3.htm>
34. *Sinicyn E. V.* Tektologija A. A. Bogdanova i sovremennye metody analiza slozhnyh sistem // Vestnik Mezhdunarodnogo instituta A. Bogdanova. 2000. № 1: <http://www.bogdinst.vestnik/v1.htm>
35. *Smirnova S. N. M. Gor'kij v zhurnale «Kommunisticheskij Internacional» // M. Gor'kij. Materialy i issledovanija. Vyp. 8: Publicistika M. Gor'kogo v kontekste istorii. M.: IMLI RAN, 2007. C. 352–399.*
36. *Tahtadzhjan A. L.* Principia tectologica. Principy organizacii i transformacii slozhnyh sictem: jevo-ljucionnyj podhod. SPb., 1998.
37. Cikl statej M. Gor'kogo «Besedy o trude». Vstupitel'naja stat'ja, podgotovka teksta i primechanija T. R. Gavrish // M. Gor'kij. Materialy i issledovanija. Vyp. 8. S. 400–420.
38. *Jagodinskij V. N.* Aleksandr Aleksandrovich Bogdanov. M.: Nauka, 2006.